

ВЛАДИМИР ЮЖИН

СВЯТЫЕ
ЦЕЛИТЕЛИ И
ПОКРОВИТЕЛИ

Владимир Южин

Святые целители и покровители

«Остеон-Групп»

2015

Южин В. И.

Святые целители и покровители / В. И. Южин — «Остеон-Групп» , 2015

ISBN 978-5-97870-191-3

В этой книге вы узнаете о давней русской народной традиции обращаться к святым в болезнях и несчастьях, постерегающих каждого человека на каждом шагу. О целительных молитках, целительных предметах, иконах, атрибутах, о правилах чтения молитв и обращения в святым.

ISBN 978-5-97870-191-3

© Южин В. И., 2015
© «Остеон-Групп» , 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Святость во времена древние и дохристианские	7
Глава 2. Принципы духовного служения	8
Глава 3. Обратимся к энциклопедиям	9
Канонизация – кто достоин	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Южин

Святые целители и покровители

© ООО "Остеон-Пресс", 2015

© В. С. Южин, составление, 2015

Предисловие

Мысль о создании этой книги возникла у автора этих строк прекрасным майским вечером, когда по телеканалу «Культура» шла передача о Туринской плащанице. Прославленные западные ученые наперебой старались прояснить вопрос, каким именно образом на холсте мог появиться святой образ. Его, предполагали они, могли нарисовать средневековые мошенники, используя специальные растительные красители; да и жулики-алхимики могли просветить соли серебра в камере-обскуре; и ловкие врачи-пройдохи могли закутать в ткань труп уголовного, которых тогда в Европе вешали предостаточно; ушлые монахи могли подкрасить холстину потом и кровью... Сама мысль о том, что в эту ткань мог и впрямь быть обернут Спаситель человеческий ими отвергалась изначально. С благословения святых отцов из Ватикана ученые варварски резали благословенную ткань, сжигали ее в горелках, исследовали в электронных микроскопах... Поневоле в памяти возникла аналогия с пресловутым Фомой по прозвищу Неверный, который наотрез отказывался уверовать в воскресение Христово, пока самолично не вложил персты в Его зияющие раны.

Мне неоднократно приходилось сталкиваться с попытками ученых мужей объяснить чудеса библейских пророков и христианских святых средствами физики, химии и психологии. Неопалимой купины не было, уверяют они, – то горели веточки, пропитанные естественными эфирными маслами; чудо пасхального самовозжжения свечей надумано – наверняка секрет в жидкости, которой пропитаны фитили или в естественной наэлектрифицированности воздуха в храме или просто проводочки подведены к свечкам; да и захватчики отошли от города не благодаря Богородице, а просто у них поменялись стратегические планы... И исцеления людей в храмах происходят от самовнушения... Таких псевдо-ученых хватало во все времена, правда, лишь в советской стране их измышления получили государственную поддержку. И коммунистов можно понять – ведь они создавали новую мировую религию, атеизм, отрицающий и ниспровергающий все блага и все богатства духовного мира; все религиозные ценности и святыни они старались подменить словоблудием во славу своей партии, которая в итоге угодила на свалку истории. Сейчас некоммунисты уверяют всех, что их просто неправильно поняли и что на самом деле они религиозны чуть ли не более самого папы римского.

Однако для того, чтобы быть христианином, вовсе не требуется препарировать и анатомизировать святыни. Достаточно просто признавать мир таким, каков он есть, во всем его многообразии. И одна из граней этого многообразия – мир духовный, который сложен отнюдь не менее, чем мир физический. И у него точно так же, как и у каждого мира (в том числе и нашего, физического), есть свои законы природы, свои естественные константы и свой собственный неповторимый облик. И, наверное, один из этих законов заключен во взаимопроникновении миров физического и духовного, в их взаимообогащении и взаимозависимости одного от другого. Вот об этом-то автору и хотелось поговорить с читателем на страницах этой книги.

Глава 1. Святость во времена древние и дохристианские

Древняя история преисполнена сказаниями о чудесах (а таковыми мы почитаем явления сверхъестественные и с позиций реалий физического мира необъяснимые). Там, где человеческая фантазия создавала мифы, рождались и сказания о подвигах мифических героев, в которые можно верить или не верить, или искать им реальную подоплеку (а то и научно-фантастическую, хотя приставка «научно» тут явно лишняя). Фокусников, магов и факиров хватало во все времена, и вели они далеко не праведный образ жизни, что закономерно отражалось и на их статусе в глазах общества – их уважали едва ли не меньше, чем представителей базарной толпы, которых они развлекали. Однако были в древности и отдельные мыслители и подвижники, пользовавшиеся в отличие от площадных факиров колоссальным уважением в обществе. Ветхозаветные пророки оказались запечатленными в Книге Книг не столько благодаря чудесам (аэндорская ведьма тоже ведь сотворила чудо – заставила вещать покойника! – но Библия не сохранила ее имени), сколько тому, что они были учителями своего народа и последовательно отстаивали идею единого Бога.

Той же идеи придерживался принц Гаутама, ставший законоучителем всей Юго-Восточной Азии. Идею единобожия подарил исламскому Востоку Магомет, который фактически не был чудотворцем, но его именем на Востоке творились многочисленные чудеса, и люди, исповедующие ислам, могут многое порассказать относительно своих святых.

Исторически сложилось так, что святость и подвижничество вовсе не подразумевают сытой и вольготной жизни. В этом отношении факиры и фокусники были куда более благополучны, чем христианские святые. Пифагор имел немалое политическое влияние в обществе, Симон Маг пользовался особым благорасположением императора Нерона, Аполлоний Тианский был принят в высших кругах. Однако, не нуждаясь в идее Бога, они не наследовали и Божьей благодати, и конец их был весьма жалок или ничтожен. Попытавшийся посрамить апостола Симон был повержен, Пифагор пал жертвой собственных политических интриг, а конец Аполлония вообще бесследен.

В сравнении с ними чудеса, которые творили ветхозаветные пророки, творились, во-первых, во имя и для блага народа, а во-вторых, они несли в народ истинную веру, то есть деяния их служили развитию духовного мира, который достиг своей высшей точки, когда в мир явился Спаситель.

Читатель не должен полагать, что автор напрочь отрицает духовные ценности язычества – они неоспоримы и запечатлены в древних архитектурных сооружениях, в сохранившихся предметах искусства и в памятниках литературы, которыми мы до сих пор восхищаемся. Однако Гомер и Гесиод в литературе все же явления совершенно иного порядка, чем Экклезиаст и евангелисты. Пирамиды и храмы Египта и Южной Америки ныне – бесценные диковинки истории, народы же, их сотворившие, канули во тьму истории. В то же время очевидно, что духовные ценности единобожия привели исповедующие их народы не только к духовному, но и к экономическому росту.

Америки открывали люди глубоко верующие, а воинственные, грубые и бездуховные завоеватели всегда оказывались временщиками на захваченных ими землях. Вера ассимилирует и сплавливает народы, а безверие рассеивает их. Татаро-монгольские завоевания спустя двести лет оказались эфемерными, а некогда покоренные монголами христианская Русь и даосский Китай остались великими державами. У русских, китайцев, мусульман, католиков и индусов разные верования и, соответственно, различные святые, но руководящий принцип у всех святых один – духовное служение Богу и ближним.

Глава 2. Принципы духовного служения

Святость человека заслуживается различными деяниями во славу божества, и поприще духовного служения – это вовсе не синекура, а высокая ответственность, которую человек накладывает на себя, осененный свыше. Духовное служение – это не всегда некое физическое действие или просто благородный поступок, совершенный на людях, но очень часто это служение малозаметно снаружи или заметно лишь самому служителю. Муки первохристиан совершались на глазах у тысяч людей, но многие отшельники удалялись от мира и там молились в уединении и тем не менее сподобились божественной благодати.

Подвиги многих святых запечатлены документально, и их жития исторически достоверны (например св. Александр Невский, св. Иоанн Кронштадтский, св. Серафим Саровский). В то же время существуют фигуры легендарные, и совершенные ими подвиги надо понимать аллегорически (как, например, чудо Георгия о змие или чудо Покрова святой Богородицы), но в любом случае это фигуры высокого духовного порядка, оказавшие значительное влияние на физический мир.

Некоторые радетели от науки (а вернее, от атеизма), пытаясь примирить духовный мир с физическим, делают попытки как-то объяснить совершенные святыми людьми чудеса, оперируя физическими константами. Например, предполагают они, отроки в печи огненной не сгорели потому, что были обуты в асбестовые чулки или, дескать, что Моисей превратил посох в змею путем предварительного гипноза самой змеи, и проч. Но все подобные потуги бессмысленны, поскольку сводят духовное служение к фокусничеству, а человек истинно святой жизни никогда не опускался до спекуляций своими способностями (о которых он зачастую ранее – до совершения чуда – и не подозревал).

Жизнь истинно святого человека преисполнена трудностями и испытаниями, порою такими, которые он возводит сам на своем пути или не избегает их. Духовная чистота, порядочность, любовь к ближнему и глубокая вера в Создателя – вот краеугольные камни истинной святости, хотя даже сочетание всех этих качеств еще не дает гарантий того, что этот человек будет причислен к лику святых. Как, впрочем, и причисление к этому лику – тоже еще не гарантия того, что этот человек – есть истинный святой, пусть даже он и был безупречен при жизни. Любовь окружающих и почитание данного человека обществом – это еще не повод для того, чтобы объявлять его святым. И у католической церкви, и у православной есть методы определения того заслуживает ли тот или иной человек причисления к лику святых или же он достоин просто доброй памяти. Порой совершаются попытки спекулировать этой памятью и пересмотреть канонические правила. Возьмем хотя бы Кароля Войтылу (прошлого римского папу Иоанна Павла II). Он был весьма деятельным человеком, примерным христианином, до последнего вздоха разъезжал по миру и многое сделал для утверждения в умах миллионов людей идеалов католической церкви. Однако прожектерскими выглядят попытки его восторженных почитателей спустя неполный год после его кончины с места и в карьер приступить к его канонизации. Подобная поспешность способна принизить святой чин в глазах верующих и свести на нет сам институт канонизации. Недаром же в традициях даже католиков предоставлять усопшему праведнику полвека для того, чтобы совершаемые им чудеса могли проявиться в полной мере.

Способности человеческого организма безграничны. Из телепутешествий по странам Востока мы видим, каким изощренным пыткам способен подвергнуть себя человек – подвешивая себя на крючьях, терзая лицо клинками или пронзая иглами собственную плоть – однако способность терпеть боль или подавлять чувствительность нервных окончаний – это не больше чем факиризм и если эти самомученики думают, что подобными самопытками угождают Богу, то жестоко в этом ошибаются, ибо мученичество – ничто без любви к ближнему.

Глава 3. Обратимся к энциклопедиям

В памятниках первоначальной христианской древности, до половины IV в. и даже до V в., как у восточных, так и у западных христиан слово святой – *αγιος* (*греч.*) или *sanctus* (*лат.*) – по мнению Мартиньи («*Dictionnaire des antiquites*») отнюдь не было усваиваемо так называемым ныне канонизованным святым, т. е. ни апостолам, ни мученикам, ни вообще лицам, которые позже стали под именем святых предметом особого почитания церкви. На Западе в то время выражались просто: *Paulus* (не прибавляя: «апостол» или «святой»), *Vincentius*, *Petrus* и т. д. Римский календарь, изданный Бухером, а потом Рюинардом при его «*Acta Sincera*», доводит список особо чествуемых в церкви лиц до IV в. включительно (до папы Либерия), причем ни разу не дает им названия *sanctus*. Лишь в календарях церкви карфагенской, в III–V вв., при поминовении умерших, особенно чтимых церковью, слово *sanctus* встречается часто. Первый календарь, в котором постоянно встречается слово *sanctus* при имени того или иного особо чтимого церковью лица, это – календарь Полемиа («*Acta sanctorum*», т. I)¹.

В менее отдаленную эпоху слово «святой» встречается иногда в мозаиках при изображении апостолов, но его еще нет при изображении св. Иоанна Предтечи даже в 451 г., и встречается оно при имени Предтечи не раньше, как в 472 г. на изображении св. Агафии in Suburra в Риме. По исследованию Чиампи, оно встречается также при изображении Козьмы и Дамиана в 531 г. Слова *sanctus* и *sanctissimus* на мраморных погребальных, бесспорно древних, имеют, по мнению Мартиньи, значение *carissimus*. Причина, по которой христиане древнейших времен избегали эпитетов: *sanctus*, *sanctissimus*, заключается, по мнению некоторых ученых, в том, что слово *sanctus* часто употреблялось в надписях несомненно языческих, которым не хотели подражать христиане.

На эпиграфических документах V в. при именах, в некотором отдалении, встречается одна буква S, которая может быть принята за начальную букву слова *sanctus*, но также и за начальную букву слова *spectabilis*. Вместо названия «святой» (*sanctus*) или вместе с ним часто стояло, при имени почитаемого церковью лица, другое название – *dominus*, *domina*. Мартиньи склонен думать, что слова *dominus* и *domina* означали в древности специально «мученик и мученица». Из рассказов о погребении почивших христиан видно, что распоряжавшиеся погребением провозглашали: *ad sanctos! ad sanctos!* (или *ad martyres*, *ad martyres*), т. е. приказывали нести умершего на специально христианское кладбище. Кроме обозначения личной святости или высокого благочестия лица, слово *sanctus*, *agios*, как некогда в язычестве, прилагалось и в христианстве для обозначения, что то или иное лицо или место посвящено какому-либо священному служению. Христиане *in corpore* в древней церкви (напр. в посланиях апост. Павла) именовались «святыми». В евангелии святость, освящение представляются везде как свойство христианства во всех его проявлениях: «да святится имя твое» (Мф. VI, 9), «отче святей, святей их во истине твоей» (Иоан. XVII, 11, 17).

Почитание и прославление святых. «Православная церковь почитает праведников не как богов каких, а как верных слуг, угодников и друзей Божиих; восхваляет их подвиги и дела, совершенные ими при помощи благодати Божией во славу Божию, так что вся честь, воздаваемая святым, относится к величеству Божию, которому они благоугождали на земле своей жизнью; чествует С. ежегодными воспоминаниями об них, всенародными празднествами, созиданием во имя их храмов и под». (Прав. испов. ч. III, отв. на вопр. 52; Посл. восточн. патриар. о прав. вере, отв. на вопр. 3).

Св. Писание решительно запрещает оказывать кому-либо Божеское поклонение и служение (*latreia*), кроме единого истинного Бога (Второз. VI, 13; Ис. XLII, 8; Матф. IV, 10;

¹ Статья А.П. Лопухина из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

1 Тим. I, 17), но вовсе не возбраняет воздавать надлежащее почтение (*douleia*) верным слугам Бога, и притом так, чтобы вся честь относилась к Нему же единому, как «дивному во святых своих» (Псал. LXVII, 36). Царь Давид взывал: «Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже» (Псал. CXXXVIII, 17), сыны пророческие торжественно «поклонились до земли верному рабу и другу» Божию – Елисею (4 Цар. II, 15). В Новом Завете сам Иисус Христос, подтвердив закон: «Господу Богу Твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Матф. IV, 10), сказал ученикам своим: «Вы, друзья мои, если исполните то, что Я заповедую вам» (Иоан. XV, 14), и засвидетельствовал перед ними: «Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает пославшего Меня» (Матф. X, 40), показывая, что честь, воздаваемая верным слугам Его и друзьям, относится к Нему самому.

Возникнув в христианской церкви на первых же порах ее существования, вера в богоугодность и спасительность достойного чествования святых выразилась в установлении в память мучеников и других святых особых праздников, по примеру воскресного и других праздничных дней, с совершением соответствующих молитвословий и литургии (свидетельства Тертуллиана и св. Киприана; Постановления апостол. кн. VI, гл. 30; кн. VIII, гл. 33). Начиная с IV в. везде открыто и торжественно происходит чествование святых, узаконенное двумя поместными соборами того же века: гангрским и лаодикийским. Вместе с тем развивается и определяется само учение о почитании святых (Ефрем Сирий, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст). Способствовало этому появление разных еретических лжеучений. Были, например, еретики, которые не только чествовали Богоматерь подобающим ей почитанием как святейшей всех святых, но и воздавали ей божеские почести, поклонялись и служили ей наравне с Богом. Это вызвало св. Епифания как на обличение заблуждающихся, так и на выяснение истинного церковного учения о почитании святых.

В начале V в. появились еретики, которые стали упрекать церковь в том, что будто бы ею допускается божеское чествование святых с таким же поклонением им и служением, и этим восстанавливается древнеязыческое идолопоклонство и ниспровергается вера в истинного Бога, которому одному нужно поклоняться и служить. Во главе этого рода лжеучителей, состоявших по преимуществу из евномиан и манихеев, стал испанец Вигилий. Против него выступили блаж. Иероним и Августин. Вера в обязательность и спасительность достойного чествования святых неизменно сохранялась в церкви и в последующие века, подтверждением чему служат свидетельства как отдельных пастырей церкви (Сальвиан, Кирилл Александрийский, Григорий Великий, Иоанн Дамаскин), так и целых соборов – поместного Карфагенского (419–426) и в особенности седьмого Вселенского (Никейского II). Противниками этого учения в средние века являются альбигойцы, павликиане, богомилы, вальденсы и виклефиты, в новейшие века – вообще протестанты.

Призывание святых. Почитая святых как верных слуг, угодников и друзей Божиих, церковь, вместе с тем, призывает их в молитвах не как богов каких, могущих помогать нам своей собственной силой, а как предстателей наших перед Богом, единым источником и раздавателем всех даров и милостей тварям (Иак. I, 17) и ходатаев наших, имеющих силу ходатайства от Христа, который «един (есть)» в собственном смысле и самостоятельный «посредник между Богом и человеками, предавший Себя для искупления всех» (1 Тим. II, 5–6; «Прав. испов. веры», ч. III, отв. на вопр. 52; «Посл. восточн. патр. о прав. вере», гл. 8). Начало молитвенного призывания святых видно еще в ветхозаветной церкви: царь Давид взывал к Богу: «Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших» (1 Парал. XXIX, 18). Апостол Иаков преподает верующим заповедь молиться друг за друга и к этому прибавляет: «Много может усиленная молитва праведного» (Иак. V, 16). Апостол Петр обещал верующим и после своей смерти не прерывать попечения о них (2 Петр. I, 15). Апостол Иоанн засвидетельствовал, что святые возносят свои на небе молитвы перед Агнцем Божиим, помня в них и о сочленах своих в церкви воинствующей (см. Апокал. V, 8; VIII, 3–4).

На основании Священного Писания и вместе священного предания церковь всегда учила призывать святых с полной уверенностью в их предстательстве за нас перед Богом. Это учение и верование церкви содержится во всех древнейших литургиях, например апостола Иакова и иерусалимской церкви. Появившиеся в IV в. и вошедшие в церковно-богослужебную жизнь чины литургий св. Василия Великого и Иоанна Златоуста ясно доказывают, что призывание святых в это время было явлением всеобщим. На седьмом Вселенском соборе отцы, рассуждая о почитании и призывании святых, между прочим, постановили: «Кто не исповедует, что все святые... досточтимы пред очами Божиими... и не просит молитв у них как у имеющих, согласно церковному преданию, дерзновение ходатайствовать о мире, – анафема». Учение о призывании святых сохранилось и доныне сохраняется в отделившихся издревле от вселенской церкви христианских обществах, как-то: несторианском, абиссинском, коптском и армянском.

Противниками учения о призывании святых явились выделившиеся из западной церкви в средние века рационалистические и мистические секты. Лютер отверг почитание и призывание святых на том, главным образом, основании, что видел в них своего рода посредников между Богом и верующими, каковое посредство исключалось его личной, непосредственной верой. Ему казалось, что даже и прославленные святые своим посредством будут отдалять верующих от Христа подобно тому, как здесь, на земле, отдаляют их от Него члены церковной иерархии. Поэтому он настаивал на мысли, что почитание святых является унижением заслуг Иисуса Христа как единственного ходатая между Богом и людьми. Святые, по мнению Лютера, – это только замечательные исторические лица, о которых нужно вспоминать с благоговением, говорить с уважением, но к которым нельзя обращаться с молитвой.

Канонизация – кто достоин

Канонизация² (лат. *canonisatio*, от греч. глагола *kanonizein* – узаконять) – есть ни что иное, как «узаконение» через особое каждый раз постановление высшей церковной власти, чествования церковью умершего подвижника веры и благочестия как святого.

Все христианские церкви (кроме протестантов) учат, что христиане, совершеннейшие по жизни и особенно оказавшие великие услуги церкви своей деятельностью, по кончине своей как особенно угодившие Богу удостоиваются особенной Божией благодати и в сонме небожителей образуют особенный класс – «святых человеков», которые молятся пред Богом за живых собратий своих по вере и которым последние должны, с своей стороны, воздавать молитвенное чествование. Для того чтобы чествование было непогрешительно и воздавалось лишь лицам действительно святым, необходимо властное руководство церкви. В первобытной церкви ветхозаветные патриархи или праотцы, ветхозаветные пророки, новозаветные апостолы и мученики признавались святыми в силу самой принадлежности их к этим категориям, так что отдельных постановлений о причислении их к лику святых не требовалось; все дело ограничивалось внесением их имен, с ведома или по распоряжению местного епископа, в диптихи и синодики и регламентацией празднований церковных в дни их кончины. С течением времени из диптихов и синодиков имена святых были выделены в особые сборники – менологии (*μενολογιοι* = месяцесловы) и календари (западное видоизменение древнейших *fasti*), которые сначала в каждой епархии были свои. Историческое свидетельство о вселенском чествовании всех апостолов встречается не ранее IV в.; об общецерковном празднике в честь всех св. мучеников в первый раз говорится в одной из проповедей Златоуста, т. е. также в IV в. К тому же времени относится установление ряда церковных празднеств как в честь событий из жизни И. Христа и Богоматери, так и в честь святых.

Установление празднеств в честь святых, исходившее от высшей церковной власти, и составляет существовавший в древней церкви вид канонизации святых. В том же IV в. обозначаются две новые категории святых, признание которых таковыми могло состояться лишь на основании их личных качеств и заслуг: 1) преподобные, т. е. святые из иноков-подвижников, 2) святые отцы церкви и вообще святые иерархи. Некоторые преподобные, прославившиеся прозорливостью и чудесами, провозглашались святыми самим народом; иногда даже при жизни их в честь них строились храмы, например императором Маркианом – в честь преп. Вассиана. Большей частью преподобные делались сначала святыми местночтимыми (в своих монастырях или и в целых епархиях), а затем и общечтимыми – по мере того, как распространялись вести о совершенных ими при жизни или после смерти чудесах или о нетлении их останков.

Канонизация сопровождалась своего рода театрализованным представлением, на котором выступал адвокат дьявола (*Advocatus diaboli*) – так называлось лицо, *Promotor fidei*, роль которого при католической канонизации (для которой требовалось, чтобы причисляемый к лику святых со времени своей кончины успел совершить по крайней мере 2 чуда) состояла в том, чтобы поддерживать сомнения в действительности совершенных усопшим чудес. В противоположность ему государством или орденом, к которому принадлежал усопший, для того, чтобы защищать его заслуги и привести все доводы в пользу его канонизации, назначалось лицо, *procurator*, именовавшееся *Advocatus Dei* (Адвокат Божий).

С большей легкостью совершалось причисление к лику святых лиц из высшей церковной иерархии: так, все архиепископы константинопольские, начиная с Митрофана (315–325) до Евстафия (1019–1025), значатся святыми в святцах константинопольской церкви, за исключением тех из них, которые осуждены были как еретики или почему-либо удалены с кафедр.

---

² Статья Н.И. Барсова из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

Сверх тридцати первых пап, причисленных к лику святых потому, что все они скончались мученически, к местночтимым святым Рима отнесены двадцать шесть пап, следовавших один за другим с 296 по 526 г. До какой степени осмотрительно поступала церковь при возведении поместных иерархов в святые всей церкви, видно из того, что даже такие великие отцы церкви, как Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Епифаний Кипрский, были признаны святыми всей церкви не ранее, как по указу императора Льва Мудрого (886–911 гг.). Еще одну категорию святых древней церкви составляют прославившиеся заслугами церкви и благочестием цари – равноапостольные Константин и Елена, царицы Феодора, Пульхерия и Феодано, царевны Сосипатра и Анфуса. Не ранее, как в XI в., императором Василием (976—1025) издан был общий менологий всех святых, чтимых на всем пространстве греческой империи. Этот менологий лег в основание позднейших «святцев константинопольской церкви», вошедших в состав «святцев» Киево-Печерской лавры.

Общие правила, которыми руководилась русская церковь с самого своего начала при канонизации своих святых, были следующие. Главным основанием, по которому начиналось церковью дело о причислении того или иного подвижника к лику святых, служил во все времена дар чудотворений, проявленный при жизни или смерти, а также (не всегда) – нетление телесных останков.

Самая канонизация имела три вида. Подвижники благочестия признавались святыми:

- 1) местными в тесном смысле слова, в монастырях или иногда в приходских церквях, где почитали их останки;
- 2) местными в обширном смысле слова, т. е. чтимыми в целой епархии или по крайней мере в епархиальном городе;
- 3) общецерковными.

Право канонизации местночтимых святых принадлежало епархиальному епископу с ведением митрополита (позже – патриарха) всея Руси, право признания общецерковными святыми – самим митрополитам или патриархам при участии собора русских иерархов. Местная епархиальная власть, получив сведения о чудесах при гробе почившего подвижника и о начавшемся молитвенном чествовании его местным или пришлым населением и лично или через доверенных удостоверившись в действительности чудес (а часто – и в нетлении мощей), назначала торжественное богослужение в храме, в котором или близ которого находились телесные останки почившего; затем устанавливалось ежегодное торжественное церковное празднование его памяти – в день его кончины или открытия мощей – составлялась особая служба (большей частью – с канонами и акафистом) в честь святого, а также его «житие» с изображением его чудес, удостоверенных формальным дознанием церковной власти. Одновременно с тем износились из могилы его телесные останки и полагались в храме в особенном украшенном гробу, открытыми или закрытыми, иногда под спудом, т. е. под полом храма. От начала русской церкви до наших дней различают четыре периода в истории канонизации:

- 1) до 1547 г.;
- 2) соборы 1547 и 1549 гг.;
- 3) от 1549 г. до учреждения Синода;
- 4) от учреждения Синода;
- 5) канон новомучеников.

До 1547 г. было канонизировано в разное время всего 68 святых, из них сначала лишь семь в качестве святых всей русской церкви (св. Борис и Глеб, Феодосий Печерский, митроп. Петр и Алексий, Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский). Перед самым собором 1547 г. было причислено к лику святых всей русской церкви еще 15 святых. Остальные 46 святых до 1547 г. оставались местночтимыми – в тесном или обширном смысле слова. О первой русской

канонизации (Бориса и Глеба) рассказывают еще Иаков-мних и Нестор. Княгиня Ольга, хотя мощи ее из могилы перенесены в церковь еще при Владимире святом, и сам Владимир, хотя оба назывались еще в древности равноапостольными, были канонизованы в позднее сравнительно время: Ольга – в период еще домонгольский, Владимир – не раньше 1240 г., когда ему воздано было религиозное чествование в Новгороде.

На московских соборах 1547 и 1549 гг. по инициативе Иоанна IV и митрополита Макария было одновременно канонизовано 39 святых: из прежних местночтимых святых причислено к лику святых всей церкви – 23, местночтимыми признано 8, впервые признаны святыми всей церкви 7 и местночтимым – 1.

Обоими соборами канонизация производилась «со всяким тщанием и испытанием о чудесах», совершенных канонизируемыми. С 1549 г. до учреждения Синода тем же порядком канонизовано 132 святых, скончавшихся, большею частью, задолго до канонизации – в XV, XIV, XIII и даже XII вв. Со времени учреждения Синода ввиду особенно распространившегося к тому времени суеверного чествования в простом народе разных святош установлены были духовным регламентом самые строгие меры против такого чествования.

С 1721 г. по настоящее время для общецерковного чествования канонизованы святыми: Феодосий Тотемский; Димитрий, митрополит Ростовский; Митрофан, епископ Воронежский; Иннокентий, епископ Иркутский; и Тихон, епископ Воронежский. Каждая из этих канонизаций совершена на основании исследования о чудесах от названных святых, произведенного на месте не местным только епископом, но особым комитетом из лиц, избранных Св. Синодом.

В 1539 и 1544 годах были два факта отклонения высшею церковною властью ходатайств епархиальных епископов о причислении к лику святых двух благочестивых подвижников, которым уже пелись на местах их нахождения молебны со стихирами и канонами и писались иконы, – по недостатку доказательств их чудотворений и по отсутствию нетления их мощей. При патриархе Иоакиме были два факта отмены прежде состоявшихся канонизаций – по тем же причинам, а также ввиду перетолкования раскольниками в пользу своего учения некоторых фактов их жизни. Кроме причтения к лику святых, местночтимых или общецерковных, в Древней Руси имело место молитвенное «почитание» усопших подвижников благочестия, составляющее вид религиозного культа вне канонизации. Над могилами таких «чтимых» народом подвижников воздвигались часовни, а если они были погребены в самой церкви, то над местом погребения – особый катафалк. Этот способ чествования неканонизованных подвижников веры и благочестия имеет место и в настоящее время; так, например, в Киево-Печерской лавре почитается прозорливец Досифей (ум. 1778 г.), тридцать лет пробывший затворником, в Саровской пустыни – игумен Пахомий, отшельники Марк и Александр, старец Серафим³, в Задонском монастыре – старец Георгий, в Оптиной пустыни – Феофан (ум. 1819 г.) и недавно (в 1893 году) скончавшийся Амвросий.

В западной церкви начало правильной канонизации относится к времени Карла Великого, который в своих капитуляриях постановил, чтобы чествованию кого-либо святым предшествовало признание его святости по крайней мере местной церковной властью. Со времени папы Александра III (1181 г.) канонизация всех святых в католической церкви стала исключительным правом папской власти. Папа Иннокентий III в 1215 г. узаконил как необходимое условие канонизации удостоверение, через назначенных папой лиц, в нетлении тела лица, предназначенного к канонизации.

В настоящее время для канонизации в римской церкви существует такой порядок. Если член церкви умер с репутацией человека безупречно благочестивой жизни, то в местности, где он имел пребывание, допускается именовать его «блаженной памяти рабом Божиим» (piae

³ Статья писалась в 1910 г. Ныне это Серафим Саровский один из наиболее почитаемых святых Русской православной церкви.

memoriae servus Dei). Затем, по желанию населения и по заявлению местного клира и епископа, делается конгрегацией обрядов (*congregatio ritus*) троекратное исследование о его жизни, и если будет найдено, что действительно эта жизнь была непорочная и святая, а особенно если окажется, что он при жизни или по смерти творил чудеса, ему усвоится название блаженного (*beatus*). Признание блаженным (*beatificatio*) может быть сделано не ранее, как через 50 лет после кончины данного лица. «Блаженный» признается лишь местночтимым святым. Если после того сделаются известными новые его чудеса и они будут в установленном порядке удостоверены, то ставится вопрос о канонизации его уже в качестве святого всей церкви, и, в случае утвердительного решения вопроса, сам Папа *ex cathedra* провозглашает его святость особой буллой по установленной формуле «*decernimus et definimus beatum N sanctum esse*» и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.